

Социалистическая мобилизация Архангельских рабкоров в 1930 году

Шентяков Н.В.

Участие народных масс в историческом процессе многообразно. Ярким проявлением демократических начал в печати прошлого века явилось так называемое рабселькоровское движение – участие в прессе рабочих и сельских корреспондентов с мест.

Особый размах в Советской России оно получило в первой половине XX века – в период господства ленинского принципа народности партийной печати. В классической формулировке «вождя пролетариата» — «Газета – не только коллективный пропагандист и агитатор, но также и коллективный организатор»¹ — подчеркивалась важность организаторской функции журналистики.

Крылатой и основополагающей стала и другая ленинская фраза о том, что газетный «орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов – пятьсот и пять тысяч работников не литераторов»².

Следуя этим указаниям, Коммунистическая партия всегда поддерживала творческую самостоятельность трудящихся, развивала у них стремление печататься в газетах.

Рабкоры и селькоры были гордостью той прессы, они «стали подлинными строителями советской печати, активными выразителями передового общественного мнения»³.

В конце 1918 года «Правда» стала проводить собрания рабкоров. Для руководства рабкорами создается институт организаторов рабочих корреспондентов. Рабселькоровское движение год от года ширилось и крепло. Пишущие от станка и плуга люди выступали передовыми, неутомимыми борцами за дело социализма.

По предложению ответственного секретаря «Правды» М.И. Ульяновой весной 1923 года при газете открылся клуб красных директоров и рабочих корреспондентов. Здесь обсуждались важнейшие вопросы хозяйственного и культурного строительства, разбирались заметки авторов из стенгазет, перед рабкорами выступали руководители партии и члены правительства В.В. Куйбышев, Н.А. Семашко, А.В. Луначарский. Газета публиковала подробные отчеты о собраниях клуба. По ее примеру клубы и кружки рабкоров появились в Архангельске, Туле, Нижнем Новгороде⁴.

В ноябре 1923 года при центральном печатном органе партии состоялось I Всесоюзное совещание рабочих корреспондентов, присутствовало 42 делегата. Оно высказалось за добровольный принцип в рабкоровской работе, отвергло методы выборов рабкоров и их назначения. Было принято решение о специальном журнале «Рабочий корреспондент» (через год переименовали, стал «Рабоче-крестьянский корреспондент»).

Уже в конце 1924 года состоялось II Всесоюзное совещание рабселькоров, собравшее 353 делегата, а к лету 1925 года в центральных и местных газетах сотрудничало уже более 200 тысяч рабочих, сельских и военных корреспондентов⁵.

Встал вопрос воспитания этой армии актива. На него ответило постановление Оргбюро ЦК партии «О рабселькоровском движении». Вскоре на III Всесоюзном совещании рабселькоров в 1926 году участвовало уже 524 делегата, представивших 250 тысяч активных рабкоров и селькоров. Через два года было созвано IV Всесоюзное совещание рабселькоров, к этому времени их армия выросла до полумиллиона человек⁶.

Оно было наиболее представительным – в его работе участвовало 746 делегатов, в том числе 361 рабкор, 112 селькоров, 38 военкоров. Приехали представители 36 национальностей и более 60 женщин⁷.

На совещании выступили М.И. Калинин, Н.К. Крупская, Е.М. Ярославский. Доклад о перспективах рабселькоровского движения сделала М.И. Ульянова. Она подчеркнула, что «главная задача, основное призвание рабселькоров – быть борцами против недостатков социалистического строительства, активно участвовать в повышении производительности труда, способствовать организации колхозов»⁸, давая решительный отпор попыткам представить их деятельность как «рабжурство» или простое информирование.

Это было бурное время расцвета многообразных форм рабселькоровской деятельности. Широкое распространение получили рейды, сквозные и ударные бригады,

общественные «буксиры», переключки, выездные бригады и редакции, рабкоровские посты – на Днепрострое, контрольные посты, а внутри них секторы по участкам работы (проверки соцсоревнования, рационализации) – в Ленинграде. Рабкоры принимали активное участие в кампаниях газет за режим экономии, смотрах заводов и фабрик. Главная газета тех лет писала: «Смотровая волна прокатилась по всей стране – от Архангельска до Ашхабада, от Мурманска до Владивостока. Не осталось почти ни одного района, где бы не был организован смотр. В Вологодской губернии смотры были организованы на всех 25 предприятиях»⁹.

В 1930 году число рабселькоров превысило 2 миллиона человек¹⁰.

На местах развитию движения рабселькоров также уделялось особое внимание.

На 1 февраля 1921 года список добровольных корреспондентов по волостям Карелии насчитывал всего 19 человек (в том числе – базарный корреспондент)¹¹. 5 августа 1924 года Большой президиум Карельского Совета Профсоюзных Союзов заслушал вопрос об организации в газете «Красная Карелия» отдела рабочей и профсоюзной жизни и одобрил это, выйдя с ходатайством о дополнении к адресу издательства газеты и «Карпрофсовета»¹².

19 августа 1924 года Карельская областная комиссия союза совпартработников на своем заседании постановила организовать при областном отделе союза кружок рабкоров «в целях поднятия корреспондентского дела через коллективный труд, для чего привлечь всех рабкоров низовых ячеек»¹³.

В докладе о печати на пятой областной партийной конференции в январе 1925 года укрепление и развитие сети рабкоров называлось ударной задачей, что нашло подтверждение в резолюции по докладу: «конференция признает необходимым принять решительные меры к улучшению содержания издаваемых в Карелии газет путем пополнения штата редакции и упорядочения сети и работы рабкоров и селькоров»¹⁴.

В феврале-марте 1925 года II Всекарельский съезд работниц и крестьянок, заслушав доклад о печати, признал необходимым «провести кампанию среди женщин по вовлечению их в ряды рабкоров и селькоров»¹⁵.

На шестой областной партийной конференции (5-11 октября 1925 года) докладчик из Агитпропотдела констатировал уже значительный рост рабселькоровской сети, на 80-90 процентов состоящей из комсомольцев и партийных, в резолюции были поставлены задачи по организации рабкоровской учебы, к протоколу прилагается и подробный план работы АПО с рабселькорами до мая 1926 года¹⁶.

К 1927 году, координируя работу рабкоров, «Красная Карелия» зарегистрировала 47 кружков, они получали письменное инструктирование по линии Мурманской железной дороги, а живое — путем выезда инструкторов¹⁷.

На третьем Всекарельском совещании рабселькоров 19-22 марта 1927 года присутствовало 53 делегата, были рассмотрены темы «Партия и рабселькоры», «Хозяйственники и рабселькоры», «Кружки и стенгазеты», заслушаны по теме доклады правительства и «Красной Карелии». Как и всюду по стране, формула была схожая: рабселькор – это передовой рабочий и крестьянин, помощник партии и власти¹⁸.

По такой же схеме постепенного нарастания активности развивалось рабселькоровское движение и в других местностях Русского Севера. Фантазии активистов пера не было предела.

Селькор-колхозник А. Кудрявцев (Вологодский округ, Кубена, Красно-Березовский сельсовет) громко заявил: «Вызываю селькоров на соревнование», обязуясь разместить заем на 200 рублей и выпустить стенгазету, чтобы пропагандировать его, призывал последовать его примеру всех селькоров Северного края¹⁹.

Вообще, наблюдалась в то время почти неправдоподобная с точки зрения нашего поколения кипучая активность рабкоров-северян. «В Северном крае, благодаря активной работе рабкоров, количество ударников на предприятиях значительно возросло. Рабкоры организовали 101 ударную бригаду, 15 ударных цехов, 2 ударных завод, 3 ударных учреждения. В Вологде в железнодорожном депо при содействии рабкоров организовано 125 ударных бригад» — сообщала одна из газет того времени²⁰.

В самом Архангельске в 1930 году, как, например, и на Украине, Урале, в Иваново-Вознесенске и в Татарии, состоялось совещание рабселькоров. Но прогремели и привлекли к себе внимание архангелогородцы другим. То громкое, но теперь тоже забытое,

мероприятие называлось «Северная краевая социалистическая мобилизация рабкоров». О ней, собственно, наш основной рассказ.

Она продолжалась 60 дней по двум направлениям: рабкоров мобилизовали себя и рабочую массу, как тогда говорили. Решалось пять задач: организационное укрепление рабкоровского движения, развертывание социалистического соревнования и ударничества, усиление самокритики, укрепления связи с партийными и профсоюзными организациями, вербовка ударников в рабкоровы.

Важнейшие мероприятия, проведенные главным штабом такие. Издана памятка рабкорам о мобилизации, введен «орден почетного дезертира мобилизации», проведены слеты рабкоров не ударников, заводские рабкоровы встретились с представителями лесорубческих печатных газет. Состоялся вечер обмена опытом борьбы рабкоров за промфинплан, организован показательный процесс над 50-ю рабкорами третьего завода, проведены радиопереклички по общественному питанию, рабкоровская демонстрация и двухнедельный экзамен лесорубческих газет, на нескольких предприятиях организованы образцово-показательные стенные газеты и многое другое²¹.

В ходе грандиозного мероприятия, несмотря на препятствия (казенное понимание мобилизации, иногда прямой оппортунизм, равнодушие и пассивность некоторой части аппарата редакции «Правды Севера», «бумажная преданность» рабкоровской работе со стороны парторганизаций), решались самые актуальные задачи дня и апробировались новые формы массовой работы.

Рабкоровы, проявив настойчивость, наполнили свою мобилизацию злободневным политическим содержанием. Качественные показатели промфинплана, ударничество, соревнование, развитие самокритики, помощь лесозаготовкам и весеннему севу, борьба за новые кадры в производстве и в рабкоровское движение – вот круг важных вопросов мобилизации.

Образцы небывалых массовых форм работы впечатляют. Это созыв рабкорами совещания специалистов совместно с выдвиненцами (о кадрах), постоянная рабкоровская тройка по проверке хода соревнования (лесобиржа-2), организованы районами отряды «Легкой кавалерии» (в Няндоме), рабочие диспуты о вредных антипролетарских настроениях отдельных рабочих (лесозавод-2), разоблачение производственных неполадок в световых газетах (лесозавод-29). Организованы субботники по уборке заводов, товарищеские беседы с конкретными носителями зла (лесозавод-15), созданы рабкоровские дружины проверки качества работы ударных бригад на производстве. Проходили вечера спайки рабкоров с партийным и профсоюзным активом. Создали рабкоровы и постоянный заводской трибунал для судов над прогульщиками, прикрепляли неквалифицированных рабочих к специалистам.

Но и это не все. Рабкоровы столярной фабрики лесозавода-27 устроили стенные и световые диаграммы-показатели промфинплана по цехам. Штаб завода-12 провел налет на своих же рабкоров-ударников – насколько они ударники? Рабкоровы трамвайного парка собрали деньги на семена колхозу. На лесозаводе-43 изобрели «позорную табуретку», на которую публично сажали «конкретных носителей зла». Рабкоровы лесозавода-23 придумали институт цеховых дозорных по наблюдению за выходом древесины.

Неужели все так гладко шло? Нет, у мобилизации было немало тормозов. Кое-где рабкоровы слабо следили за результатами своей работы. Юнкоровы плелись в хвосте мобилизации, краевая газета «Комсомолец» плохо руководила ими. Слабо прошла мобилизация на лесозаготовках. Четыре лесорубческие газеты оказались «такими толстокожими, что даже выговорами их не прошибли, они так и не вступили в мобилизацию, это в Вожеге, Каргополе и Емецке»²². Наблюдались факты очковтирательства со стороны отдельных рабкоровских штабов (в Коми). Архангельские рабкоровы явно недооценили значение мобилизации в помощь деревне. Они провалили сбор на трактор «Северная рабкория», послали всего четыре посевные бригады в деревню, долго раскачивались округа – Вологда и В. Устюг взялись за дело как следует спустя 25 дней. Не велся учет новых рабкоров. Некоторые штабы и редколлегии «промышляли только налетами на пожарные депо и конюшни», проявляли «медвежью неповоротливость и крохоборство». Мало занимались рабкоровы популяризацией займа «Пятилетка в четыре года», часть стенгазет не «зажглась огнем мобилизации».

Результаты мобилизации оказались внушительными. Там, где она прошла по-боевому (лесозаводы-2,8,12, Вологодский ремзавод) промфинплан перевыполнен и улучшены качественные показатели. Выросло число рабкоров: в Няндоме на 236 человек, Вологде – на 350, в Архангельске – на 450. Усилился приток заметок в стенгазеты, в крае расширилась их сеть и злободневность, значительная часть стенгазет перешла на непрерывный выпуск.

Конечно, в то время все мерили политической зрелостью, она проявилась в том, что наиболее передовые рабкеры вступили в ряды ВКП (б). Появился известный перелом в руководстве окружными газетами рабкорами, так, в Северо-Двинском округе вокруг редакции создано 10 рабкоровских бригад по отраслям работы, в Няндоме появились функциональные группы рабкоров вокруг редакции, а вологодская газета «Красный Север» сразу объявила двухнедельную селькоровскую мобилизацию и проводила массовые (по 50-70 человек) рабкоровские «налеты». Слабый, но был и поворот в сторону деревни – помимо шефства над колхозами практиковались бригады на посевную кампанию.

Автор статьи в главный рабселькоровский журнал Л. Фельдман одним из главных достижений мобилизации считал выдвижение нового рабкоровского актива – базы дальнейшего разворота работы²³. Это обновленные редколлегии, добровольные инструкторы, организаторы рабкоров (в Архангельске – 95 человек, Вологде – 65, В. Устюге – 30). Были успехи в «самоочистке от чуждых элементов». Главная заслуга мобилизации – она научила не только ставить вопросы, но и разрешать их. Рабкеры из агитаторов превратились в организаторов, пошли в ногу с высокими темпами социалистической реконструкции.

Примечательным заголовком снабдил «Рабоче-крестьянский корреспондент» сообщение северян: «Рабкоровская мобилизация закончена, но рабкеры мобилизованы до тех пор, пока будут живы». Редакция журнала констатировала, что «мобилизация показала подлинное умение «Правды Севера» по-новому руководить рабкоровским движением». Еще прокомментировала любопытнейшую даже по тем временам форму работы — рабкоровского трибунала, примененного в Архангельске.

Он брался за такие рабкоровские объединения, которые плохо работали, судил общественным порядком, будил чувство ответственности там, где оно заглохло или не было развито вовсе. Замечательный опыт трибунала: служил делу, развертывал беспощадную самокритику в рядах рабкоров, именно в этом его ценность.

Журнал (он издавался на всю страну, пропагандировал опыт) дал полную перепечатку заметки из «Правды Севера» — отчет о «суде» на лесозаводе-3, где 7 марта в клубе собралось 250 рабочих, чтобы приструнить 50 рабкоров. Обвинительный приговор суров: рабкеры сбежали с фронта борьбы, халатны, увильнули от работы. В допросе участвовали 18 человек. Обвинитель из совпартшколы Бартынов итожит: рабкеры плетутся в хвосте у отсталых рабочих, сорвали десятидневку мобилизации, требую лишить звания ударников. Все 250 человек стоя слушают приговор: именем краевой социалистической мобилизации, доказав все обвинения в бездействии, руководителя рабкоровской организации Г. Сокольникову занести на черную доску дезертиров. Несколько других рабкоров получили выговоры, но большинство, 42 человека, оправданы (амнистированы по случаю Дня 8 Марта).

Откликнулась на события в Северном крае и другие центральные издания. «Рабочая газета» на полосе «Множьте ряды ударных батальонов!» посвятила успехам северян редакционную заметку «Умейте критиковать себя», призывая широко использовать опыт архангелогородцев, всюду создавать трибуналы, ведь «трибунал был не зрелищем: это был настоящий общественный суд. Трибунал помог развернуть самокритику вокруг работы низовой печати, будил чувство ответственности там, где оно заглохло»²⁴.

Не пожалел места для рассказа об инициативе северян журнал «Селькор». Он напомнил, что «четкое решение крайкома партии о политическом значении мобилизации, о выделении организаторов рабкоров на всех предприятиях значительно помогло успешному ходу мобилизации»²⁵. Здесь узнаем и другие подробности небывалого в стране «буйства» рабкоров: их экстренные сходки, ночные вылазки в цеха, налет на саму газету «Правда Севера», выпуск многотиражных двухдневных бюллетеней о соревновании (лесозавод-2), шефство рабкоров над ликбезом (лесозавод-3), привлечение пионеров для проверки причин невыхода прогульщиков, месячник борьбы с опозданием поездов, сооружение плаката-

фигуры (от аэроплана до черепахи), чтобы показывать производительность труда какого-либо рабочего (лесозавод-8), женские рабселькоровские конференции в В. Устюге.

Особого внимания заслуживает помещенный в журнале дневник селькора т. Искровца, как бы изнутри показывающий гигантский размах мобилизации и большую творческую инициативу селькоров. Приехав на далекий Север, этот бородатый селькор из колхоза «Искра» увлеченно взял на себя роль добровольца небывалого действия, подмечая его тонкости и нюансы: «Юнкоры тоже вовлечены, от мала до велика, самый младший боец – Гаврилов, 13 лет, идет в ногу со стариком Митрофановым, 68 лет. Инструкции – как боевые приказы: ясны, коротки, от нас – четкие донесения. Завтра в девять утра атака, серьезно знакомимся с планом боя, территория незнакомая. Преодолеем. Не спится. Северная вьюга заносит следы. Найдем! Обнаружен первый колеблющийся рабкор – Югин с кирпичного, десять дней скрывал о мобилизации. Всюду лозунги: «За взятие хозяйственного Перекопа» и «За промфинплан». Вышел «Рабкоровский набат». Тяжелая Маймакса начинает атаку, здесь уже 3 000 ударников. Это – наша союзная дивизия. Штаб 14-го завода распущен за бездеятельность. На 26-м заводе лжерабкор Маслов оказался рвачом и негодяем – по его вине завод стоял час. Сегодня – в атаку за хорошее качество доски. Шеренги демонстрантов. Ударники движутся по улицам с лозунгами дня. Подводим итоги – это не заседание мирной конференции, наоборот, с опытом удесятерим наступление на фронте социалистической стройки. После 60-дневной мобилизации лежу на койке в одном из барачков Маймаксы и продумываю каждый день, шаг за шагом из пережитых боевых дней. Волнует меня основная мысль: надо перенести этот опыт в селькоровскую массу, дело осложняется специфическими условиями деревни, хотя бы даже новой. Беседовал долго с селькором Парфеновым, тоже участником мобилизации, решили организовать подобное на весенней посевной и уборочной, месячники агитпоходов за коллективизацию, на штурм кулацких твердынь»²⁶.

В программной статье Б. Горелика «Рабселькоровское движение перед XVI партсъездом (важнейшие итоги и очередные задачи)» акцент делался как раз на всемерное развитие организаторской функции рабселькоров, постоянную активизацию рабселькоровской общественности, поэтому так своевременны северные события, так высока их оценка с главной партийной печатной трибуны: «Знаменателен опыт архангельской «Правды Севера», которая подлинно по-большевистки перестроилась и взялась за дело максимальной активизации рабселькоров за выполнение промфинплана»²⁷.

Конечно, важной составляющей мероприятия стал выход северян на всю страну с обращением:

«Рабкоры СССР, к вам обращаются рабкоры Северного края.

Дорогие товарищи!

Не только хозяйственники-профсоюзники, но и мы, рабкоры, должны нести ответственность за невыполнение промфинплана. Как из отдельных ручейков слагается целая река, так из отдельных заводских производственных программ складывается великий генеральный план развития нашей страны. И мы, рабкоры, не должны давать спуска никому, кто этот план нарушает.

С этой целью у нас на Севере проводится краевая социалистическая мобилизация рабкоров на борьбу за промфинплан, за ударное движение, за социалистическое соревнование, за самокритику, за вовлечение ударников в рабкоровские ряды. Созданы окружные, районные, заводские, учрежденческие штабы рабкоровской мобилизации. Штабы дают задания мобилизованным рабкорам бороться с рабкорами дезертирами. На многих заводах уже проводятся рабкорами ежедневные облавы для проверки выполнения производственной программы за день; работают инициативные рабкоровские группы по выполнению промфинплана; активные рабкоры по заданию штабов организуют ударные бригады, цехи.

Проводя социалистическую мобилизацию рабкоров, мы на Севере приступаем к решительной перестройке форм и методов рабкоровской работы: выделяем на некоторых заводах образцово-показательные участки рабкоровской работы, проводим краевой рабкоровский митинг о перестройке рабкоровской работы.

Рабкоры СССР! Мы призываем вас подать нам руку помощи в борьбе за новый социалистический Север. Недавнее решение ЦК партии о Северном крае открывает новую

эру в строительстве нашего края. Новый Север должен стать краем лесной индустрии, копилкой валютных ресурсов для индустриализации СССР.

Поэтому мы бросили клич все рабкорам СССР: «Поднимите у себя на страницах местной печати кампанию за посылку на Север лесных специалистов и квалифицированных рабочих. Рабкоры Москвы, Ленинграда, Харькова, Ростова, Киева, Свердловска, Воронежа. Берите шефство над рабкорами отдельных заводов, колхозов, леспромхозов Северного края. Шлите к нам рабкорские бригады на лесозаготовки, организуйте посылку профсоюзами на Север групп лучших ударников для развертывания ударного движения и соревнования в отсталой северной промышленности».

Наше обращение просим обсудить на широких рабкорских слетах.

По поручению рабкоров Северного края –

Главный штаб краевой социалистической мобилизации рабкоров»²⁸.

Первую поддержку инициатива северян нашла на далеком юге, ее подхватили в Симферополе. Газета «Красный Крым» сообщила, что в пяти районах проведены курсы организаторов рабселькоров (108 человек), в Симферополе – 16-дневные курсы и два общегородских слета по социалистической мобилизации рабкоров²⁹.

А сами северяне продолжили эксперименты. Краевой комитет партии вынес второе решение: лозунг «Рабкор – ударник и организатор ударного движения» должен стать стержнем всего рабселькоровского движения. С 5 апреля по всему краю объявили ударный месячник перестройки стенных газет. Подводя его итоги, массовый отдел «Правды Севера» остался удовлетворен. Исходя из качества работ стенгазет, из лучших рабкоров была сформирована почетная рабселькоровская делегация для поездки в Москву, Ленинград, Харьков, а почетное знамя газеты досталось лесозаводу-³⁰.

По одной из оценок «Рабоче-крестьянского корреспондента» в стране в 1930 году был «генеральный смотр рабселькоровской общественности». Всюду обсуждался вопрос перестройки рабселькоровского движения. Такую необходимость диктовали новые задачи социалистического строительства. Назревшие вопросы в феврале 1931 года обсудило V Всесоюзное совещание по вопросам рабселькоровского движения. На нем секретарь ЦК ВКБ (б) П.П. Постышев высоко оценил деятельность рабочих и сельских корреспондентов и поставил перед ними новые задачи. «Рабселькор, — говорил он, — теперь не может ограничиваться тем, что он берет под обстрел своего пера ход выполнения тех или иных решений партии и правительства. На данном этапе рабселькор как передовик в рядах борцов должен быть организатором борьбы за выполнение этих решений, давая своим отношением к труду образцы трудового героизма»³¹. Вскоре рекомендации совещания были положены в основу постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке рабселькоровского движения». Рабселькоры становились «под руководством партии организаторами масс для дела социалистического строительства»³².

Таким образом, локальный «северный полигон» как раз и выявил новые формы и многие механизмы деятельного участия местных отрядов рабселькоровского актива в осуществлении общесоюзных задач. Так «в период первых пятилеток во всей полноте проявилась способность прессы практически влиять на осуществление поставленных задач», резюмирует один из современных авторов³³.

И спустя десятилетия поражают масштабы социалистической мобилизации рабселькоров-северян. Несмотря на военный термин мероприятия (органичный духу того времени) и партийное руководство мобилизацией, в ней преобладала народная выдумка, бьющая ключом инициатива простых людей, творчество трудящихся. Эта ярчайшая страница истории нашего края изучена еще мало, заслуживает большего внимания исследователей.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.5, с.11.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 106.

³ Богданов Н.Г., Вяземский Б.А. Справочник журналиста. Лениздат, 1974, с. 53.

⁴ Алферов В.Н. Воплощение ленинского принципа народности в партийно-советской печати. М. Мысль, 1984, с. 39.

⁵ Богданов Н.Г., Вяземский Б.А. Справочник журналиста. Лениздат, 1974, с. 54.

- [6](#) Там же, с. 55.
- [7](#) Алферов В.Н. Воплощение ленинского принципа народности в партийно-советской печати. М. Мысль, 1984, с. 51.
- [8](#) Там же, с. 52.
- [9](#) Правда, 4 мая 1929 года, с. 3.
- [10](#) Богданов Н.Г., Вяземский Б.А. Справочник журналиста. Лениздат, 1974, с. 56.
- [11](#) Центральный Государственный Архив КАССР, ф. 352, оп.1, д. 2/24, л.121.
- [12](#) ЦГА КАССР, ф. 480, оп. 2, ед. хр. 10/4, л. 81.
- [13](#) ЦГА КАССР, ф. 480, оп. 2, д. 17/2, л. 128.
- [14](#) Партийный архив Карельского обкома, ф.3, оп. 1, д. 17, лл. 42, 58.
- [15](#) ПАКО, ф. 3, оп. 1, д. 42, л. 31.
- [16](#) ПАКО, ф.3, оп. 1, д. 23, лл 7, 193, 209.
- [17](#) ПАКО, ф. 3, оп. 8, . 310, л. 14.
- [18](#) ПАКО, ф. 3, оп. 9, д. 227, лл. 36, 37.
- [19](#) Беднота, 13 августа 1930 года, с. 3.
- [20](#) Рабочая газета, 5 мая 1930 года, с. 5.
- [21](#) Рабоче-крестьянский корреспондент, 1930, № 7, с. 5.
- [22](#) Рабоче-крестьянский корреспондент, 1930, № 7, с. 6.
- [23](#) Рабоче-крестьянский корреспондент, 1930, № 7, с. 8.
- [24](#) Рабочая газета, 5 мая 1930 года, с. 5.
- [25](#) Селькор, 1930, № 8 с. 20.
- [26](#) Селькор, 1930, № 8, с. 19.
- [27](#) Правда, 5 мая 1930 года, с. 3.
- [28](#) Рабоче-крестьянский корреспондент, 1930, № 7, с. 4.
- [29](#) Рабоче-крестьянский корреспондент, 1930, № 9, с. 3.
- [30](#) Рабоче-крестьянский корреспондент, 1930, № 11, с. 21.
- [31](#) Алферов В.Н. Воплощение ленинского принципа народности в партийно-советской печати. М. Мысль, 1984, с. 55,56.
- [32](#) Там же, с. 56.
- [33](#) Корконосенко С.Г. Рабселькоровское движение как проявление демократизма социалистического общества. Автореф. канд. дис. М., 1979.